

М.В. Фоменко

Донецкий национальный технический университет, Украина

РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ОЖИДАНИЙ

В статье обсуждается проблема неразрывной связи современной науки с вненаучными формами знания. Результатом этих взаимоотношений является то, что именно наука активно формирует эсхатологические ожидания в обществе, подталкивает человека к эсхатологическому мировосприятию, мироощущению и прогнозированию неизбежного и скорого конца света.

Давно замечено, что на результаты и выводы научных исследований, какими бы аргументированными они ни были, оказывает существенное влияние изначальная мировоззренческая ориентация их авторов. Речь здесь идет не об ошибочности названных выводов или отклонениях от истины, а именно об обусловленности их содержания господствующей в обществе идеологией.

Иногда эта обусловленность носит сознательный характер, когда исследователи в организации научных фактов активно прибегают к аналогиям и метафорам из области мифологии, религии, философии, искусства. Не случайно сегодня говорят о «дискурсивных практиках», то есть о сознательном расширении смыслового поля науки за счет вненаучных форм знания. Но чаще всего названная обусловленность проявляет себя бессознательно – через образы и архетипы, которые помимо воли ученого обнаруживаются с особой силой в попытках прогнозировать ближайшее и отдаленное будущее человечества.

Научное прогнозирование не ограничивается беспристрастной констатацией фактов и наложением математических моделей на имеющийся фактический материал. Не совпадая с мифологическим, религиозным или философским рассмотрением будущего, научное прогнозирование, особенно в той его части, которая касается футурологических сценариев, опирается на соответствующие донаучные представления и включает их в себя как исследовательские установки. Сопряжение результатов научных исследований с идеологическими доктринами отмечено восприятием наукой апокалиптических настроений, чему способствует изначальная ориентация науки на преобразование природы, устранение недостатков и преодоление действия деструктивных факторов.

В немалой мере это обусловлено также и тем, что уже долгосрочные прогнозы (свыше 15 – 20 лет) опираются на идеи, выходящие за пределы обозримой экспериментальной ситуации. А раз так, то умозрительные конструкты будущего, которые выстраивает футуролог, оказываются подверженными воздействию всех без исключения установок, существующих в общественном сознании, включая эсхатологические ожидания.

Цель данной статьи – показать, что научные изыскания, опираясь на вненаучные формы познания, активно формируют у современного индивида эсхатологический образ будущего.

Осмысление темы «конца света» в рамках научного способа мышления осуществляется специальными исследованиями будущего и заключается в изучении наличных ситуаций с точки зрения тенденций их развития. «Эсхатологи» – это те ученые, которые соизмеряют исследование развития имеющихся тенденций, факторов, состояний с возможностью гибели общественного организма, включая все человеческое сообщество.

Исследователи говорят о надвигающихся необратимых процессах не в связи с обзором человеческой истории в целом, а исходя из результатов рассмотрения наличной ситуации сквозь призму глобальных проблем современности.

За последние несколько десятков лет тема ближайшего будущего человечества выдвинулась на первый план, прежде всего в форме представлений о «конце цивилизации». Динамичное экономическое и социальное развитие, угроза истощения ресурсов и глобального военного конфликта вызвали повышенный интерес к идее эсхатологической катастрофы, что привело к разработке различных сценариев дальнейшего развития событий. Доминирующая в специальных исследованиях классификация футурологических сценариев, основанная на противопоставлении «человек – техника», является несколько упрощенной, удобной для использования в научно-популярных и публицистических работах, но, по-видимому, мало пригодной для серьезного философского анализа.

Апокалиптические прогнозы являются сегодня не столько отражением непосредственной опасности как таковой, сколько психологической реакцией ученых на процесс нагнетания ужаса и страха. В значительной степени они выражают состояние души и переживание человеком потенциальной опасности для самого себя.

Страх перед будущим, получивший в научной публицистике название «футурошока», занимает одно из центральных мест в иерархии тех страхов, которым подвергается постсовременный человек. Страх перед будущим является превращенной формой страха перед настоящим.

Эсхатологическое миропонимание – это понимание невозможности разрешения кризиса. Однако для человека бояться будущего противоестественно, поскольку основой оптимизма, в том числе социального, является надежда. Смерть надежды является смертью человека как существа культурного. Чем больше поколений осталось позади, тем больше опыт преодоления кризисных ситуаций, тем больше оснований надеяться на благоприятное разрешение очередного кризиса. Для укрепления надежды теоретикам достаточно прервать углубление в десятичные знаки, выясняя, насколько меньше шансов осталось у человечества, и учесть какой-либо привходящий, ранее не учитываемый фактор. Фрустрация как понимание невозможности разрешения кризиса возникает тогда, когда наука начинает «открывать глаза» обыденному сознанию. В этом случае страх перед будущим и принимает форму футурошока.

Ощущение неотвратимости окончания времен появляется как известная реакция на приобретение жизненной ситуацией все более угрожающих черт. Эсхатологическое мышление ученых складывается из наложения теоретических выкладок на благоприятную морально-психологическую атмосферу общества.

Пожалуй, самым ярким примером научной апокалиптики являются пессимистические прогнозы Римского клуба, обусловившие футурошок в сознании масс Западной цивилизации. Уже первые доклады Римского клуба (1972 и 1974 гг.) были насквозь эсхатологичны и сводились не столько к описанию рисков и угроз, сколько к ответу на вопрос: сколько осталось существовать человечеству?

Основываясь на математических расчетах взаимосвязей нескольких ведущих критериев (численности населения, объема капиталовложений, географического пространства, естественных ресурсов, производства продуктов питания, темпов загрязнения природной среды), адепты клуба доказали, что при сохранении существующих на тот час темпов роста ожидается экспотенциальный рост количества продуктов питания, объема производства и численности населения. Но к 2100 году тенденции к истощению естественных ресурсов, сокращение производства и загрязнение природы пройдут критическую точку, что обусловит экологическую катастрофу и гибель земной цивилизации [1, с. 213-215].

Публицистическая заостренность докладов Римского клуба имела своей целью «встряхнуть» общественное сознание. Образ ближайшего будущего в прогнозах ученых удручал и пугал обывателя, опубликованные материалы были нацелены на своего рода шокотерапию.

Популярность экологического эсхатологизма Римского клуба невозможно объяснить без анализа той «психологической почвы», на которую упали зерна их теоретических выкладок. Следует, во-первых, учитывать, что для массового сознания первой половины 70-х годов прошлого века были характерны апокалиптические ожидания вследствие ядерного противостояния СССР и США в годы «холодной войны». Риск умышленного или неумышленного запуска ракет с ядерными боеголовками с последующими ответными ударами и гибелью большей части человечества был настолько велик, что обусловил массовый невроз в США и некоторых других странах. Алгебраическая формула, включающая коэффициент несанкционированного запуска ядерного оружия, способного вызвать цепную реакцию ответных мер, в американской политологии получила название «уравнение Апокалипсиса». Сегодня «уравнение Апокалипсиса» – это термин специалистов по манипулированию общественным сознанием в СМИ, в политических, в других PR-кампаниях, обращающихся напрямую к мифологизированному сознанию. А спрогнозированный К. Саганом и подтвержденный в расчетах Н. Моисеева сценарий «ядерной зимы» завершал сюжет «конца света» в его современной интерпретации.

Неустойчивость массового сознания позволяет манипулировать им посредством эксплуатации такой его склонности, как детонация страха. Устремления политиков, в этом смысле, не внушают особого оптимизма, поскольку в условиях, когда общественный организм слишком сложен, любая кампания, сеющая панику, укрепляет власть, позволяя ей успешно манипулировать массовым сознанием. Усиление власти часто трудно достижимо вне нагнетания атмосферы неопределенности и страха. П.С. Гуревич в своей работе «Ядерный страх» достаточно убедительно продемонстрировал механизм использования устрашения специалистами массовой культуры в манипулятивных целях. Таким образом, напрашивается вывод о том, что если бы даже идеи конца света до сих пор не существовало, то политики обязательно придумали бы ее.

Во-вторых, источники богатств в «обществе потребления» в значительной мере обусловили риски современности. Социологи Энтони Гидденс и Ульрик Бек указывали, что в наше время риски и опасности не ограничиваются ни пространством (ядерная катастрофа в одном регионе затронет своими последствиями многие государства), ни временем (ядерная катастрофа окажет генетическое воздействие на будущие поколения). «Порождая риски, – отмечает Джордж Ритцер, – развитая модернизация также создает рефлексивность, позволяющую ей подвергнуть сомнению саму себя и производимые ею риски. В сущности, именно сами люди – жертвы рисков, начинают об этих рисках размышлять. Они начинают наблюдать и собирать данные о рисках и их последствиях для людей. Они становятся экспертами, которые подвергают сомнению развитую современность и ее опасности. Делают они это отчасти потому, что больше не могут полагаться в этом на ученых» [2, с. 495]. В самом деле, У. Бек очень строго относится к ученым вследствие их роли в создании и сохранении общества риска: «Наука стала покровительницей глобального заражения людей и природы. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что тем, как науки во многих сферах рассматривают риски, теперь до следующего раза они растратили свою известную рациональность» [2, с. 496].

Вывод, который отсюда вытекает, состоит в следующем: «новый тип рациональности» в значительной мере отличается от классического ее типа. Происходит идеологизация и политизация научной деятельности, когда занятие политикой более не представлено исключительно правительству, а становится сферой деятельности различных подгрупп, в том числе крупных корпораций, научных лабораторий, экспертных центров.

Эти подгруппы могут быть «более рефлексивны и самокритичны, чем центральное правительство, и они обладают способностью размышлять о множестве рисков... и лучше с ними справляться» [2, с. 496]. В этих условиях экологическое паникерство искусственно подпитывается с целью получения финансирования на минимизацию соответствующих (и, возможно, фиктивных) рисков.

Следует отметить, что при трансформации катастрофизма (как факта сознания) в факт рефлексии умонастроение приобретает черты такого типа мышления, который отмечен индивидуальными особенностями, если говорить об отдельном исследователе. Т. Постон и И. Стюарт, подчеркивая неизбежные изменения умонастроения от одного специалиста по катастрофам к другому, назвали его общими неизменными чертами особое внимание к типичности, структурной устойчивости и к геометрической точке зрения. Так или иначе, характерными чертами «мышления катастрофами» являются: 1) учет элемента непросчитываемости всех вариантов выхода из критических ситуаций; 2) ориентация на исследование пороговых состояний; 3) допущение внезапных, непредсказуемых изменений существующего порядка вещей [3, с. 194].

К тому же распространению научного эсхатологизма способствовали и собственно внутринаучные моменты. Здесь стоит назвать установку на «постоянное изменение» – как в объективном мире, так и в мире науки. Причем эти изменения носят не столько плавный, эволюционный характер, сколько скачкообразный и революционный. В случае с рисками и катастрофами эти скачки могут носить негативный характер с возможностью неожиданного трагического обострения обстоятельств. При этом очередной скачок от одного качественного состояния к другому может оказаться последним – скачок в небытие. Теоретик должен учитывать такую возможность и, рассматривая ряд переходов-скачков, предусматривать конечное состояние системы.

Кроме того, эсхатологическое мировосприятие имеет свои внутренние предпосылки в том, что сама научная среда подвержена бесконечным скачкам-переворотам. За последние 150 лет их было столько, что ученые уже давно расстались с иллюзиями относительно возможности спокойной жизни в своей собственной профессиональной среде: разнообразные по масштабу и проявлению научные революции в разных отраслях научного знания стимулировали становление различных школ, направлений, подходов, для которых атмосфера конфликтности стала привычной, а предчувствие крушения нынешних авторитетов точно так же, как и прежних, – обычной составляющей профессиональной деятельности.

На этом социокультурном фоне математические расчеты Римского клуба предстали в виде непреложной истины, не подвергаемой сомнению, а конец света постепенно приобрел свои потенциальные причины в виде глобальных проблем современности. Футурология по преимуществу стала эсхатологической, пессимистической с акцентом на безысходность и безальтернативность.

Многие ученые полагают, что Земля входит в зону высокой неравновесности. Большинство климатологов, геологов и физиков пришли к общему выводу о том, что изменение климата и геофизических параметров планеты может привести к тотальной катастрофе [4]. Академик В.П. Казначеев, например, считает, что в настоящее время формируется «синдром утомления планеты», проявляющийся в острых и хронических катастрофах различной природы. Современная статистика учитывает уже не менее ста видов катастроф, частота и разрушительная сила которых имеют выраженную тенденцию к росту.

Согласно астрономическим разработкам, жизнь на Земле рано или поздно будет уничтожена в результате грандиозной космической катастрофы. Так, используя самые свежие статистические данные, А. Дар и группа израильских астрономов пришли к выводу, что Земле суждено оказаться на пути мощнейшего потока гамма-излучения, которое возникнет в результате взрыва одной из крупных звезд нашей галактики. Американские астрономы также предполагают, что причиной трагедии может стать крупный астероид [5].

Профессор М.А. Жутиков, в свою очередь, преддрекает экологический апокалипсис. Сегодня экологическое состояние Земли он сравнивает с процессами поражения здорового организма природы опухолевым образованием, где «опухолевая клетка и ячейка технологическая используют окружающее живое вещество как материал для своего строительства... прорастая в него и замещая его собою... Опухоль “не спросясь” занимает живую территорию, сопровождаясь искажениями в обмене» [6]. Шансы на выживание природных зон сохраняются уже ценой вырождения, а в дальнейшем резко падают. Таких объемов становится все больше, а катастрофы, связанные с деятельностью человека, начинают преобладать над естественными и все чаще провоцировать естественные.

Астрофизик И.С. Шкловский предложил гипотезу о том, что в самой организации разумной жизни, в закономерностях развития цивилизаций генетически заложена тенденция к самоубийству. Этой идее созвучна концепция К. Лоренца, согласно которой сама способность человека к абстрактному мышлению привела к обострению инстинкта агрессии, поставившего под угрозу существование человечества как вида [7]. По мнению И. Шкловского, если исходить из постулата диалектического материализма, то во Вселенной должна существовать социальная форма движения материи (космические цивилизации), но она ничем себя не проявляет. Это объясняется тем, что земная цивилизация, скорее всего, является уникальной в наблюдаемой Вселенной. Продолжительность существования космических цивилизаций, возможно, ограничена сравнительно небольшими сроками, поскольку, достигнув технологической стадии развития, они довольно быстро создают условия для самоуничтожения. Ученый подчеркивает, что «технологическое развитие нашей цивилизации за последние сотни лет носит стремительный, почти взрывной характер» [8, с. 323].

Человечество, проявляя тенденцию к неограниченной экспансии, уже в перспективе ближайшего столетия может сделать планету непригодной для жизни (перегрев поверхности Земли, разрушение озоносферы, сверхперенаселение, загрязнение воздуха и воды). Однако ситуация не фатальна, поскольку любую цивилизацию можно рассматривать как сложную самоорганизующуюся и саморегулирующуюся систему. В процессе ее эволюции могут возникать различные неустойчивости, а вместе с тем увеличивается опасность ее разрушения. Следовательно, по мере усложнения системы необходимо совершенствоваться и усиливать функцию управления.

В свое время академиком Н.Н. Моисеевым были выдвинуты эволюционные и экологические основания наиболее острых противоречий, которые могут иметь трагические последствия. Он полагал, что основная опасность находится в представлении об универсальности определенной парадигмы цивилизации, ее насильственном утверждении как некоторого стандарта, в канонизации этики «глобального американизма», утверждающего существование избранности, мерилom которой является личный успех. Евроамериканская культура и тенденция ее развития стали квинтэссенцией духовной деградации. Как следствие, система ценностей загнала человечество в тупик, противопоставила его Природе, нарушив режим их совместного развития, то есть условия коэволюции со всей остальной биосферой. Человечество лишено перспективы развития в рамках современных цивилизационных парадигм, оно стоит на пороге новой бифуркации, нового глобального кризиса, сравнимого по своим масштабам с неолитическим, но гораздо более опасного. Это происходит потому, что с развитием могущества цивилизации скорость разрушения условий коэволюции катастрофически растет и опасность экологических кризисов непрерывно увеличивается. В настоящее время любой локальный кризис может легко стать причиной кризиса глобального. В случае же общепланетарного кризиса сформируется новая парадигма развития, к которой человечество вряд ли сумеет приспособиться. Н. Моисеев считал, что подобный кризис неизбежен, поскольку потенциальная возможность развития «цивилизации потребления» в рамках коэволюции с остальной биосферой уже исчерпана [9, с. 118].

Несколько иного взгляда на приоритеты в содержании эсхатологического сознания придерживался академик А.С. Панарин, полагавший, что сегодня особенно злободневна глобально-социальная апокалиптика [10]. По его мнению, все актуальнее проблема глобализации терроризма, у которого много истоков и который способен проявить себя в любом месте. При этом приходится констатировать факт того, что индивидуальное эсхатологическое сознание проявляется гораздо прочнее врожденного инстинкта самосохранения, так как индивид, не задумываясь, жертвует «самым дорогим» ради идеи. Область культуры и общественного сознания демонстрирует расцвет многообразных форм нигилизма, меру глубины которого дают неуклонный рост самоубийств и распространение наркомании. Это придает разрушительным действиям деструктивных сил еще большее влияние на человека.

Примеры подобных взглядов можно продолжить, для нас же важно подчеркнуть, как содержание вненаучных форм познания, прежде всего мифологии и религии, становится достоянием науки и затем возвращается обратно в общественное сознание, обогащенное научной аргументацией и цифрами. При этом среди различного рода космологических, геологических, технологических сценариев современного апокалипсиса на первое место уверенно выходит экологический эсхатологизм.

К основным параметрам формирования современного эсхатологического мировоззрения можно отнести следующие. Во-первых, обостренное критическое восприятие перспектив социального и технического прогресса. Большое распространение получила нашедшая живой отклик со стороны массового сознания точка зрения, согласно которой многие блага цивилизации и научно-технического прогресса следует принести в жертву «на алтарь выживания человечества». Отношение к НТП, взятое в контексте размышлений об исторических перспективах, обнаруживает свою амбивалентность. С одной стороны, идея построения «земного града Прогресса» и надежда на спасение посредством развития техники и технологии неистребимы. Они то отходят в тень, то снова занимают доминирующее положение. С другой – всегда присутствует понимание того, что техника не всесильна, что издержки прогрессивного развития связаны с непомерными жертвами.

Во-вторых, понимание того, что XX век породил цивилизацию риска, с различными ее модальностями: чрезвычайный технологический риск (П. Лагадек), чрезвычайный социальный риск (конфликтология), чрезвычайный экологический риск (Римский клуб). В работах В.И. Вернадского, показавшего, что человечество является мощной геологической силой, активность человека была сравнена по силе воздействия на природу с энергией вулканических процессов и землетрясений. С тех пор возможности человека неизмеримо возросли и сложилась ситуация глобального перенапряжения геобиосферы, психофизиологических перегрузок, выпавших на долю индивида, пределов контроля над техносредой, когда возрастает возможность случайной ядерной аварии (Чернобыль и Фукусима).

Технологический риск касается как военной, так и гражданской области; к социальному относятся межнациональные отношения, социальные болезни больших городов, разрушение традиционного уклада, нарушение взаимоотношения между развитыми и развивающимися странами; к экологическому – не только исчерпание ресурсов, но и нарушение баланса системы общество-природа, изменение ландшафта, климата, риск появления новых заболеваний, разработка средств лечения которых может трагически запоздать по сравнению со скоростью их распространения.

В-третьих, разрушение традиционных способов передачи культурного опыта, развитие по принципу отставания переработки отходов от накопления промышленного мусора. Человечество в известной мере утратило экономический, социальный и духовный иммунитет, механизмы самозащиты общественного организма от последствий собственной деятельности разрушены. Человечество не успевает очищаться от издержек

материального и духовного производства, цивилизация явно приобретает черты большой сточной канавы, культура – раковой опухоли. Этот образ ввел в научный обиход К. Лоренц, сравнивший аэрофотоснимки больших городов и раковых клеток. К тому же он указал на параллели в развитии тех и других.

Эсхатологическое мироощущение уровня общественного самочувствия легко становится невротическим мироощущением отдельно взятых людей, создавая, в свою очередь, благоприятную среду для невротического самочувствия на макроуровне социальной жизни. В кризисные моменты индивидуальной и общественной жизни восприимчивость людей к различным сигналам тревоги заметно возрастает. Состояние постоянного ожидания непредвиденных неприятностей, с одной стороны, притягательно настолько, насколько оживляет спящие в любом человеке и в массовом сознании мазохистские наклонности, а с другой – может привести к появлению невроза. В той мере, в какой человеку трудно распознать источник, причины и характер постоянной угрозы, он предрасположен стать человеком невротическим. То же самое может быть отнесено и к характеристикам культурной жизни в целом.

Эсхатологические ожидания выражают своеобразную настроенность коллективной психики, характеризующуюся предчувствием опасности, вниманием к тем незаметным или необъяснимым событиям, которые воспринимаются как знаки или знамения, предшествующие определенным событиям. Одним из средств снятия нервного напряжения может оказаться способность к распознаванию того, что послужило поводом к «загнанию» в такое положение. В прикладной теории катастроф это получило название «флаги катастрофы». Согласно Р. Гилмору, исследовавшему эту проблему применительно к естественнонаучным реалиям, обнаружение «флагов» может подсказать, какой процесс имеет место, что позволит изменить в нужном направлении управляющие параметры [11].

Эсхатологически окрашенная настроенность мышления характеризуется также стремлением выйти за рамки логического следования, понять алогичность бытия, преодолеть замкнутость повседневности. Можно сколько угодно возлагать надежды на счетные возможности вычислительных машин, но от этого будущее не приобретет более конкретные очертания. В среде самых яростных приверженцев идеи просчитывания всех последствий предпринимаемых шагов, нахождения оптимального варианта пути движения к цели и возможности устройства всего так, чтобы было «по науке», гнездятся сомнения, касающиеся осуществимости начатого дела, страх перед неожиданным вмешательством непредвиденных факторов, желание исключить всякое подобие ошибки.

Таким образом, на современное эсхатологическое сознание оказывают непосредственное воздействие достижения наук, которые тяготеют к подтверждению (или опровержению) своими средствами тех умозрительных конструкций, которые были выстроены на мифологическом, религиозном и философском этапах эволюции эсхатологии. В качестве фундаментальной причины, ведущей к концу света, ученые называют чаще всего противоречия в системе «Природа – Общество». Следовательно, сегодня эсхатология носит преимущественно экологическую окраску. Анализ «вклада» науки в формирование современного эсхатологического мировосприятия позволяет сделать вывод об относительной объективности научных прогнозов в силу изначальной «погруженности» ученых в «социокультурный эфир», содержащий эсхатологические ожидания, вызревшие во вненаучных формах познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лось В.А. Человек и природа. (Соц.-филос. аспекты экологич. проблем) / Лось В.А. – М. : Политиздат, 1978. – 224 с.
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – [5-е изд.]. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
3. Кузнецов О.В. Истоки и смысл «катастрофического» сознания в западной культуре : дис. ... доктора филос. наук : 09.00.13 / О.В. Кузнецов. – Екатеринбург, 2000. – 234 с.

4. Петрукович А. Прогноз погоды XXI века: ожидаются магнитные облака и электронные осадки / А. Петрукович, Л. Зеленый // Наука и жизнь. – 2002. – № 5. – С. 2-6.
5. Кузина С. Земле угрожает астероид-убийца / С. Кузина, А. Моисеенко, М. Чижиков // Комсомольская правда. – 2002. – 25 июня.
6. Жутиков М.А. Доброкачественна ли цивилизация? [Электронный ресурс] / М.А. Жутиков. – Режим доступа : <http://www/moskvam.ru/2000/03/jutikov.htm>
7. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 39-53.
8. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум / Шкловский И.С. – М. : Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1980. – 352 с.
9. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Моисеев Н.Н. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
10. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин // Москва. – 2001. – С. 158-165.
11. Гилмор Р. Прикладная теория катастроф / Р. Гилмор ; [пер. с англ. под ред. Ю.П. Гупало, А.А. Пионтовского]. – М. : Мир, 1984. – 275 с.

М.В. Фоменко

Роль науки у формуванні сучасних есхатологічних очікувань

У статті обговорюється проблема нерозривного зв'язку сучасної науки з позанауковими формами знання. Результатом цих взаємовідношень є те, що саме наука активно формує есхатологічні очікування в суспільстві, підштовхує людину до есхатологічного світосприйняття, світовідчуття і прогнозування неминучого і швидкого кінця світу.

M.V. Fomenko

Role of Science in Formation of Modern Eschatological Expectations

The article focuses on the problem of inextricable connection between modern science and non-scientific forms of knowledge. The result of these interrelations is that just science actively forms the eschatological expectations in the society, pushes a man to eschatological perception of the world, world-view and prediction of the inevitable and quick apocalypse.

Стаття поступила в редакцію 21.11.2011.